

Дознание

Прежде чем сойти вниз, я заклеил рот Лайлы двумя слоями скотча, однако, когда детектив усаживается за стол, ее сдавленные крики все еще слышны.

У детектива старый магнитофон, вроде тех, что можно видеть в кино восьмидесятых — примерно десять дюймов в длину, шесть в высоту, на левой кнопке большой красный кружок. Детектив нажимает ее одновременно с кнопкой воспроизведения и сдвигает магнитофон в центр стола. Колесики кассеты начинают вращаться.

— Пожалуйста, назовите свое имя.

Я откашливаюсь.

— Лидс Гэбриел.

Крышка отсека для батареек кое-как примотана скотчем. Забавно. Столь допотопный прибор будет фиксировать каждое мое слово. Как будто это чему-то поможет!

Я уже на грани и близок к тому, чтобы сдать. Не вижу света в конце тоннеля. И даже не уверен, что у этого тоннеля вообще есть конец.

Да и как можно выбраться, если ситуация совсем вышла из-под контроля? Я беседую с детективом, которого нашел по интернету, а моя девушка, черт возьми, тем временем сидит и сходит с ума!

Наверху возобновляются крики — Лайла будто прочитала мои мысли. Деревянное изголовье кровати ударяется о стену, и по огромному пустому дому зловеще разносится эхо.

— Итак, — произносит детектив, — с чего вы хотите начать? — Похоже, он способен работать в любой обстановке, в отличие от меня. Я понимаю, что заставляю Лайлу страдать. Попробуй не обращать внимания! Любой доносящийся сверху звук заставляет меня вздрагивать. — Полагаю, с вашего знакомства?

Я медлю. Стоит ли отвечать на вопросы, если они не приведут к ответам? Однако в данный момент легче слушать собственный голос, чем приглушенные крики Лайлы.

— Мы познакомились прошлым летом в этом доме. Тогда здесь была гостиница. Номер плюс завтрак. Я играл на бас-гитаре в музыкальной группе. Нас пригласили выступить на свадьбе Аспен, сестры Лайлы.

Детектив откидывается на спинку стула и молча смотрит на меня. Я не знаю, что еще сказать. Или нужно конкретизировать?

— Какое отношение имеет наше знакомство к тому, что происходит в доме?

Он встряхивает головой, подается вперед и кладет руки на стол.

Первая смерть Лайлы

— Возможно, никакого. Но я приехал, чтобы докопаться до истины, Лидс. Зацепкой может стать что угодно. Я хочу, чтобы вы вернулись к самому первому дню. Как была одета Лайла? Почему вы с ней обратили внимание друг на друга? Какими были ее первые слова? Кто-то из вас заметил в тот вечер в доме что-либо необычное? Чем больше информации вы мне предоставите, тем лучше. Невозможно обойтись без деталей.

Я опираюсь локтями о стол и закрываю уши ладонями, пытаюсь заглушить крики Лайлы. Невыносимо сознавать, что она в таком состоянии. Я очень люблю ее. И не понимаю, как можно вспоминать прошлое, говорить, почему я очень люблю ее, и одновременно заставлять страдать.

Стараюсь не думать, как чудесно все было вначале. Потому что, когда начинаю думать, лишний раз убеждаюсь — я, и только я несу ответственность за все, до чего мы дошли.

Закрываю глаза и мысленно возвращаюсь ко дню нашей встречи. Когда жизнь была проще. Когда мы пребывали в блаженном неведении...

— Она танцевала просто ужасно. Вот что привлекло меня в первую очередь...

1

Она танцует просто ужасно. Вот что я замечаю в первую очередь со сцены, играя для постепенно редющей публики. Похоже, девушка представления не имеет, куда деть руки. Топчется по лужайке и произвольно двигает босыми ногами, преднамеренно не попадая в такт плавной мелодии. Яростно встряхивает непослушными черными кудрями, словно в голове у нее звучит хеви-метал.

Самое забавное тут, что мы исполняем современное кантри. Да, примитивное современное кантри! Полный набор песен, которые невозможно слушать и еще более мучительно играть.

Наша группа называется «Гарретт-бэнд».

Именно так. «Гарретт-бэнд». Ничего лучшего Гарретту не пришло в голову.

Я — неофициальный четвертый участник группы, присоединился к ней последним. Играю на бас-гитаре. Не на каком-нибудь уважаемом контрабасе, а на электрогитаре. Недооцененный и незаметный инструмент, который обычно находится в руках у незаметного чле-

Первая смерть Сайна

на группы — того, который теряется на фоне других при исполнении любой песни. Впрочем, я совсем не против потеряться на фоне других. Возможно, потому и предпочитаю именно электрическую бас-гитару.

После учебы в Белмонте я задался целью стать исполнителем собственных песен, однако с Гарреттом по этой части не сотрудничаю. Ему помощник не требуется. Мы с ним по-разному воспринимаем музыку. Так что я пишу песни для себя и откладываю их на будущее, когда решусь выпустить сольный альбом.

В последние несколько лет группа набрала популярность, и, хотя спрос на нас вырос и соответственно поднялась оплата, мой рейтинг в качестве бас-гитариста остался прежним. Я было подумывал завести разговор об этом с остальными участниками группы, но не уверен, стоит ли оно того — ребята больше нуждаются в деньгах, чем я. К тому же при обсуждении темы они могут предложить мне занять официальное место в группе, а я, честно говоря, настолько ненавижу эту музыку, что мне стыдно ее исполнять.

Каждое выступление забирает часть моей души. Буквально отщипывает по кусочку и съедает. Боюсь, что вскоре от меня не останется ничего, кроме телесной оболочки.

Откровенно говоря, сам не знаю, что меня удерживает. Никогда не планировал играть в группе долго, однако по какой-то причине не могу оторвать задницу от стула и начать жить своим умом. Отец умер, когда мне исполнилось восемнадцать, и вследствие того деньги никогда не были проблемой. Он оставил нам

с матерью немалую страховку, а также фирму, занимающуюся проведением интернета, которая функционирует как часы; ее служащие предпочитают, чтобы я не вмешивался в работу и не старался ничего улучшить. Так что мы с мамой стоим в стороне и живем на прибыль.

Конечно, я благодарен судьбе, однако гордиться тут нечем. Если бы люди знали, как мало от меня требуется в жизни, меня бы никто не уважал. Может, потому я и не бросаю группу. Постоянные переезды, много работы, бессонные ночи... Лишь подобное самоистязание заставляет меня чувствовать, что я хоть отчасти заслуживаю кругленькую сумму на банковском счету.

Итак, я стою на сцене, на предназначенном мне месте, и смотрю на девушку, размышляя — она пьяна или под кайфом? А может, ее просто тошнит от нашей группы и она решила поиздеваться? Так или иначе, я ей благодарен. Самое большое развлечение за всю свадьбу. В какой-то момент даже ловлю себя на том, что улыбаюсь — а ведь такого со мной не случилось уже бог знает сколько времени. А я еще побаивался сюда приезжать.

Возможно, причиной тому атмосфера — уединенность места в сочетании с послесвадебным настроением. А возможно, тот факт, что на нас никто внимания не обращает, так как девяносто процентов гостей уже отчалили. Возможно, травинки в волосах девушки и платье в зеленых пятнах — раза три за песню она споткнулась и упала. Или виной всему полгода полной засухи на личном фронте после расставания с бывшей.

Первая смерть Саймона

В общем, комбинация всего этого и заставила меня в тот вечер сосредоточить внимание на девушке. И не удивительно — даже с расплывшимся по щекам макияжем и прилипшими ко лбу потными кудряшками она самая красивая на свадьбе. Странно, что ее обделили вниманием. Немногочисленные оставшиеся гости вместе с молодоженами собрались у бассейна. Моя плясунья единственная, кто нас еще слушает.

Мы доигрываем последнюю на сегодня композицию и начинаем собираться.

В глубине сцены я упаковываю гитару. Девушка кричит: «На бис!» Торопливо закрываю футляр. Черт возьми, может, успею найти ее после того, как мы погрузим инструменты в фургон!

Наша четверка забронировала два номера в гостинице. До Нэшвилла одиннадцать часов езды; неохота пускаться в дорогу на ночь глядя.

Гарретт закрывает дверь фургона. К нему подходит жених и приглашает всех нас выпить. Обычно я отказываюсь, но сегодня другое дело — плясунья должна быть где-то рядом. Она забавная. К тому же мне импонирует, что девушка не пыталась подпевать. Вряд ли меня привлекла бы та, которой всерьез нравится музыка Гарретта.

Я нахожу ее в бассейне. Она плавает на спине, по-прежнему одетая в платье подружки невесты — кремовое и в зеленых пятнах от травы.

В бассейне она одна. Я беру пиво, иду к тому краю, где поглубже, разуваясь и, как был в джинсах, опускаю ноги в воду.

Постепенно волны с моего конца бассейна достигают девушки, но ее совсем не интересует, кто еще пришел искупаться. Уставилась в небо и покачивается на волнах — неподвижная, как бревно. Полный контраст той чудачке, которая совсем недавно устраивала бурное дурацкое представление.

Несколько минут я за ней наблюдаю. Вот вода поглощает тело девушки, и она полностью исчезает. Затем из воды показываются руки, а следом голова с плеском разрывает поверхность. Теперь девушка смотрит прямо на меня, словно знает, что все это время я был рядом.

Она держится на воде благодаря едва заметным движениям рук и ног. Расстояние между нами медленно сокращается; она уже совсем рядом, смотрит прямо мне в лицо. Луна у меня за спиной отражается в ее глазах двумя крошечными лампочками.

Со сцены девушка казалась мне просто красивой. С расстояния одного фута она выглядит самой прекрасной из всех, кого мне приходилось встречать. Надеюсь, я когда-нибудь коснусь этих пухлых розовых губ, изящной линии подбородка... Глаза зеленые, как трава вокруг бассейна. Так и тянет соскользнуть в воду, но в кармане телефон, а в руке недопитая банка пива.

— Ты смотрел на ютубе видео о людях, которые умирают изнутри? — спрашивает она.

Станный вопрос. Впрочем, на меня любые ее слова сейчас имели бы одинаковое воздействие. Ее голос ясный и чистый; слова покидают горло безо всякого усилия.

Первая смерть Сайлы

— Нет, — отвечаю я.

Она слегка запыхалась, стараясь удержаться на плаву.

— Там собраны разные ужасные ситуации, в которых оказывались люди. Камера фиксирует их лица в самый критический момент. Они смотрят на тебя так, словно уже мертвы внутренне. — Девушка обеими руками смахивает воду с ресниц. — Вот и ты сегодня так выглядел. Будто умираешь изнутри.

А я и не помню, чтобы она поглядывала на сцену, да еще и рассматривала меня — причем достаточно долго, чтобы безошибочно угадать, как я себя чувствую, вынужденный играть эти дерьмовые мелодии!

— Изнутри я уже давно умер. В первый вечер, когда начал играть в группе.

— Так я и подумала. Вот и пыталась тебя подбодрить. Тебе понравился мой танец?

Я отпиваю глоток пива и киваю.

— Сработало.

Она усмехается и на несколько секунд уходит под воду. Вынырнув, убирает волосы с лица и спрашивает:

— У тебя есть девушка?

— Нет.

— Парень?

— Нет.

— Жена?

Я качаю головой.

— Ну хоть друзья-то имеются?

— Настоящих нет, — признаюсь я.

— Братья, сестры?

— Я единственный ребенок в семье.